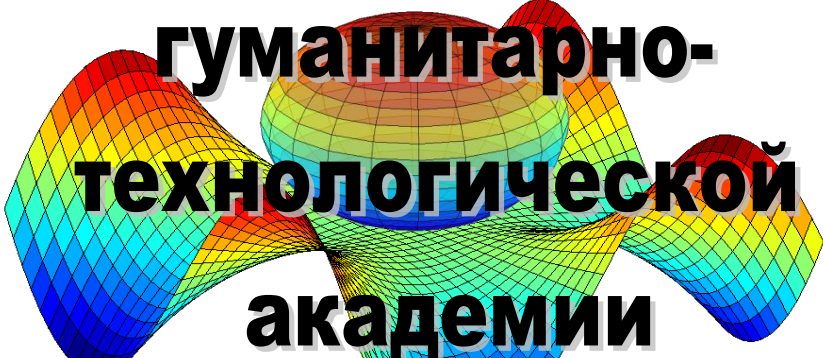

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

ИЗВЕСТИЯ
ИЗВЕСТИЯ

**Северо-Кавказской
государственной
гуманитарно-
технологической
академии**

№ 4

2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Джендубаев А.-З.Р.

Секция гуманитарных и экологических наук

Нахушев В.Х. – председатель секции, Айбазова М.Ю., Нагорная Г.Ю., Напсо М.Д., Тлябичева З.Ч., Харатокова М.Г., Хубиева З.К.

Секция математики, физики и информационных технологий

Кочкаров А.М. – председатель секции, Борлаков Х.Ш., Тамбиева Д.А., Эдиев Д.М.

Секция медицинских наук

Хаппаев Б.А. – председатель секции, Гюсан А.О., Котелевец С.М., Темрезев М.Б., Чаушев И.Н.

Секция сельскохозяйственных наук

Гочияев Х.Н. – председатель секции, Гедиев К.Т., Мамбетов М.М.

Секция технических наук

Боташев А.Ю. – председатель секции, Алиев И.И., Байрамуков С.Х., Кятов Н.Х., Мамбетов А.Д.

Секция экономики и управления

Канцеров Р.А. – председатель секции, Семенова Ф.З., Тоторкулов Ш.М., Топсахалова Ф.М., Узденова Ф.М., Шардан С.К., Школьникова Н.Н.

Секция юриспруденции

Кочкаров Р.М. – председатель секции, Напсо М.Б., Алиев М.К., Тхагапсов Р.А.

Секция изобразительного искусства и прикладных видов искусств

Атаева Л.М. – председатель секции, Урусова Н.П., Урусова М.Ю., Хапчаева З.А.

Редактор английского текста Кошева А.Ш.

Адрес редакции и издателя: 369000, Россия, КЧР, г. Черкесск, ул. Ставропольская, 36, Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия.
Телефон: 8(8782)293648; 8(8782)293560. E-mail: izvest_akad@mail.ru.
<http://ncshta.ru/nauka/izdaniya>

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

ИЗВЕСТИЯ

Северо-Кавказской государственной
гуманитарно-технологической академии

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2010 ГОДА

Учредитель и издатель –

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия

№ 4, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кошева А.Ш. Современные образовательные ресурсы в обучении профессионально-ориентированному английскому языку.....	3
Абазалиева М. М. «Ускользящая» традиция эпохи глобализации.....	7
Калабекова С.В. Вещизм в обществе потребления.....	14
CONTENTS	20

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.1

**СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ
В ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ
АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ**

КОШЕВА А.Ш.

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия

В статье рассматривается роль цифровых образовательных ресурсов как одного из направлений информатизации форм и уровней высшего образования в России. Знание иностранных языков открывает перед молодыми людьми возможность использовать в своей деятельности потенциал безграничных ресурсов глобальной сети Интернет и открывает доступ к информационным коммуникационным технологиям и мультимедийным средствам. В качестве ведущего принципа дидактического обеспечения ЦОР выступает профессионально-познавательная активность личности, когда обучающийся, опираясь на приобретенные знания и умения, активно осмысливает и реализует их в профессиональных ситуациях. Это требует вывода процесса обучения на качественно новый уровень.

Ключевые слова: инновационные учебные материалы, цифровые образовательные ресурсы, профессионально ориентированный английский язык, смешанное обучение, «сетевое поколение».

Цели профессионального обучения определяются требованиями, предъявляемыми обществом к подготовке соответствующих кадров. Стоящие перед современным человеком проблемы познания имеют многогранный характер, требуют поиска новых подходов и решений, что, в свою очередь, ведет к переосмыслению приоритетов обучения и обуславливает нетрадиционные подходы к решению многих образовательных проблем [1].

Современная практика подготовки профессионально-компетентного выпускника демонстрирует, что формирование специалиста неотделимо от его компетентности не только в конкретной предметной отрасли знания, но и в соответствующем профессиональном пространстве иноязычной лингвокультуры, к которой обучающийся, так или иначе, обращается с целью повышения качества своих знаний, получения нового передового опыта, в исследовательских и иных целях.

Происходящие структурные и системные изменения в образовательном пространстве многих стран мира и стремление России координировать свою политику в области высшего образования в соответствии с изменившимися требованиями приводят к новым подходам и организации учебного процесса в вузе. Эта ситуация стимулирует вузы к поиску новых форм и моделей обучения, максимально ориентированных на автономность, креативность, способность к

самообразованию. В этом отношении современные цифровые технологии обучения просто незаменимы.

Одним из направлений информатизации форм и уровней образования в России является создание цифровых образовательных ресурсов (ЦОР), которые наряду с созданием систем учебно-методического, программного и тестового обеспечения составляют базу инфраструктуры информатизации образования.

Например, в Единой коллекции цифровых образовательных ресурсов (<http://school-collection.edu.ru/>) имеется несколько рубрик «Инновационные учебные материалы», «Коллекции», «Инструменты учебной деятельности», содержащих ресурсы по различным предметным курсам. Коллекция ЦОР по предмету является систематизированным, снабженным описаниями собранием, обладающим определенной полнотой в рамках курса.

Неограниченные обучающие возможности этих инструментов ведут к разработке учебных материалов нового поколения (например, учебный комплекс «Touchstone»), вокруг которых возникает новая образовательная среда, формирующая иные способы организации учебного процесса.

Влияние цифровых технологий на всю систему образования привело к появлению в сфере обучения языкам такого понятия, как «смешанное обучение» (blended learning), подразумевающее комбинацию классических форм работы преподавателя в аудитории с online компонентом, значительная доля которого приходится на самостоятельную работу. Идея смешанного обучения требует пересмотра многих представлений о методике преподавания иностранных языков, так как blended learning дает преподавателю простор для творчества, когда в зависимости от ситуации можно использовать самые различные соотношения между online компонентом и работой в аудитории. При этом отношение к такому понятию, как задание на дом в системе blended learning отличается от традиционного.

Хранилищем цифровых образовательных ресурсов являются создаваемые в вузах ресурсные центры. Имея выход в Интернет, студент может работать в удобное для него время и в индивидуальном темпе, при этом он получает такую возможность восприятия и усвоения учебного материала, которая по качественным и количественным характеристикам во много раз превосходит другие способы организации самостоятельной работы. Работа в таком формате не только повышает возможности усвоения обучающимися учебного материала, помогает преодолеть трудности в освоении языка, но и дает вузу возможность подготовить высококвалифицированных специалистов, наиболее полно отвечающих запросам современного общества, ориентированных на реализацию полученных теоретических знаний на практике, имеющих объемные прикладные навыки в сфере избранного направления образования, способных к дальнейшему самообучению, что в совокупности, обуславливает повышенную адаптивность выпускников на рынке интеллектуального труда в сложных условиях конкуренции [2].

Использование цифровых образовательных технологий предъявляет определенные требования не только к материальному, но и к дидактическому обеспечению, к знаниям преподавателя и навыкам студента.

Методическое обеспечение является одним из базовых условий для профессионального развития и включает в себя следующие блоки:

- целевая и мотивационная направленность обучения;

- логическое структурирование учебного материала;
- обеспеченность приёмами, способами, методами и формами обучения;
- взаимодействие преподавателей, студентов и компьютеров в профессиональном образовании.

Для использования ЦОР педагог должен проделать большую подготовительную работу. Во-первых, ЦОР должен удовлетворять основным положениям педагогической технологии (предварительное проектирование, целеобразование, целостность, воспроизводимость). При этом средством подготовки и передачи информации обучающемуся выступает компьютерная и информационная техника. Во-вторых, материалы ЦОР должны обеспечивать активную умственную деятельность обучающихся. Входящие в комплекс части должны быть взаимосвязаны и взаимообусловлены. Сочетание комплектов комплекса может быть, как последовательным, так и параллельным.

Обучающиеся могут использовать ЦОР при поиске информации (объяснительно-иллюстративные методы обучения), для получения знаний (репродуктивные методы), при принятии решений (метод проблемного изложения), для выявления неизученных проблем (исследовательский метод).

Основными ошибками, снижающими эффективность применения ЦОР в процессе обучения, являются: недостаточная методическая подготовленность преподавателя; неправильное определение дидактической роли и места ЦОР в учебном процессе; бесплановость и случайность применения ЦОР; перегруженность занятия демонстрацией материалов ЦОР.

Следует отметить, что выход учебного процесса за стены вузовской аудитории стал возможным с появлением нового поколения студентов, которых в методической литературе называют «сетевое поколение» (digital natives, net generation). Это поколение выросло в условиях, продиктованных новыми технологиями, под влиянием которых формировались особенности их мышления. То, как современные студенты усваивают новую информацию, значительно отличается от подходов к учению предыдущих поколений. Несмотря на неоднородность современной студенческой среды, внутри которой можно наблюдать разную степень технологической подготовки, социально-экономические и когнитивные различия, в целом студенчество изменяется в направлении, где все заметнее проявляется осознанный подход к использованию технологических инноваций с целью усовершенствовать образовательные стратегии. Выход студентов за рамки своего социума, когда он приобретает коммуникативные компетенции, осваивая реальный живой язык общения с носителями, помогает понять особенности их культуры и поведения.

В Северо-Кавказском юридическом институте в процессе обучения Legal English широко используются ЦОР как отечественных, так и зарубежных сайтов, в частности материалы сайтов [bbclearningenglish](http://bbclearningenglish.com), [Translegal](http://translegal.com) для развития навыков устной речи и контроля усвоения тематической юридической лексики. Многие другие сайты используются студентами в процессе работы над индивидуальными проектами. В вузе активно идет формирование своих ЦОР по профессионально ориентированному английскому языку для будущих юристов и студентов отделения «правоохранительная деятельность».

В динамике современных образовательных процессов важно, чтобы обучающийся научился самостоятельно приобретать знания, пользуясь разнообразными источниками информации. Организация такой самостоятельной

работы предполагает использование новейших педагогических технологий, стимулирующих раскрытие внутренних резервов обучающихся. В этом отношении современные цифровые технологии обучения просто незаменимы.

Kosheva A.Sh. Modern educational resources in teaching English for Specific purposes.

Summary: The article deals with digital educational resources in teaching English for Specific Purposes, which aimed at creating a learning environment that guarantees the professionalization of future graduates.

Key words: innovative teaching materials, digital educational resources, blended learning, digital natives, net generation.

Список использованных источников и литературы

1. Барабаш О.В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы/О.В.Барабаш// Вестник Пензенского государственного университета. – № 2 (6). – 2014. С.14-18.
2. Кочкаров Р.М., Айбазова М.Ю. Инновационная образовательная среда как фактор профессионализации студентов. // Известия СевКавГГТА № 1, 2014. С. 3-7.

Кошева Астра Шагабановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных, гуманитарных, экономических, правовых и прикладных дисциплин юридического института СевКавГГТА. E-mail: a_kosheva@mail.ru.

УДК 304.5

«УСКОЛЬЗАЮЩАЯ» ТРАДИЦИЯ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

АБАЗАЛИЕВА М. М.

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия

Аннотация: Объектом исследования статьи является национальная традиция, а предметом – перспективы развития национальной традиции в условиях расширяющейся глобализации. В центре исследовательского интереса – взаимосвязь и взаимозависимость глобальных и этнокультурных процессов, эволюция национальной традиции, противоречивое единство традиции и новации, глобального и локального. Особое внимание уделяется анализу рисков глобализации для судеб этничности в целом. Методологическую основу статьи составили диалектические принципы конкретности, системности и объективности. Научная новизна состоит в выдвигании тезиса о зависимости национальной традиции от специфики современных процессов. Тематика статьи позволяет прийти к выводу о том, что проблема исследования рисков глобализации для бытия национальной традиции продолжает оставаться актуальной и востребованной.

Ключевые слова: национальная традиция, идентичность, глобализация, глокализация, универсализация, культурный шок.

В современных условиях традиция в широком ее понимании – как явление, охватывающее собой многообразный спектр проявлений национальной культуры, – испытывает влияние тенденций, воздействующих самым противоречивым образом на ее эволюцию. Среди них особое место принадлежит процессу глобализации, феномену не только новому, но и революционному, считает Э. Гидденс, автор известного труда под названием «Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь». Распространяясь «вширь» и «вглубь», глобализация преобразует и наполняет содержание экономических и социокультурных трендов новациями, соответствующими историческому времени. В ситуации всеохватного влияния глобализации и рисков, с нею сопряженных, оказывается и национальная культура, и предугадать в этой связи вектор будущих сценариев ее развития представляется достаточно трудным, и это делает обсуждаемую проблематику более чем актуальной.

Глобализация, способствуя углублению взаимосвязей между различными цивилизациями, культурами, народами, усилению тенденций и стремлений к взаимовыгодной кооперации, расширяет возможности диалога, следствием чего становятся процессы сближения, интеграции, аккультурации, обогащения национальной традиции новыми приобретениями. Взятые в совокупности, эти и многие другие явления формируют пространство общечеловеческой культуры, которая раздвигает рамки привычного, придает национальной традиции черты вселенскости. Свидетельством гуманистической направленности глобализации служат множественные позитивные процессы экономического, технологического, культурного характера. Они не только объединяют различные государства и общества в решении самых разнообразных задач, но и – в этом, может быть, и заключается глубинное предназначение этого всемирного явления – способствовать

созданию такой конфигурации мира, которая создаст условия для обеспечения его единства – мультинационального и мультикультурного.

Вместе с тем глобализация в известной степени теснит национально-особенное, подтачивает основы этнокультурной специфики, и это не может не приводить к возникновению алармистских настроений. Формирование однотипных стилей и образа жизни, брендов и культурных артефактов, продвижение на глобальные и национальные рынки продуктов, товаров, услуг, лишенных этнического своеобразия, чему в значительной степени способствует бурное развитие современных технологий, приводят к отождествлению глобализации с образом левиафана, угрозы которого, с точки зрения реальных потерь, в сравнении с возможными благами, более чем очевидны.

Рассуждая на тему растущей гомогенизации мира, П. Штомпка справедливо замечает: «Униформизация, стирание различий, в огромной степени охватывает сферы материальной культуры, потребительского рынка, моды, образа жизни. В магазинах всего мира можно купить одни и те же продукты, стилисты и дизайнеры проектируют одинаковые автомобили, архитекторы строят похожие дома, портные шьют похожие костюмы и платья. Люди читают одни и те же книги, смотрят одни и те же фильмы, одни и те же футбольные матчи, слушают одни и те же мелодии и хиты. Подобными становятся обычаи, даже в столь тесно связанных с местными традициями сферах жизни, каковыми являются семья и религия... С одной стороны, люди все чаще начинают мыслить в категориях общей судьбы, общих угроз и надежд... Появляется *региональная идентичность*... С другой стороны, глобализация мобилизует оборонительное сознание, направленное на защиту утраченной или утрачиваемой культурной самобытности, собственных обычаев, традиций... Усиливается *локальная идентичность* и лояльность, ее этнические и религиозные проявления» [1, с. 605-606].

Национальная идентичность оказывается потесненной космополитическими установками, которые проявляются в различных сегментах человеческой жизнедеятельности – от сферы бытовых отношений до социальных более высокого уровня. Противоречивость космополитизма проявляется в единстве ряда моментов.

С одной стороны, он «снимает» или минимизирует стремления к социальной изоляции как условия дальнейшего поступательного развития, а с другой – игнорирует национальные и локальные особенности. Утверждая универсальное, космополитизм содействует процессу заимствований, которые призваны обогатить национальную жизнь приобретениями как экономического, так и духовного характера. Этому способствуют и современные технологии, которые, вне всякого сомнения, придают космополитизму новые смыслы и значения. Привлекательность этой идеологии и в том, что она не только формирует пространство разных «Мы», но делает его все более взаимосвязанным, чему в немалой степени способствует утверждение космополитического сознания и общечеловеческой идентичности. Формой их выражения является идеология мультикультурализма, согласно которому всякий другой воспринимается как «свой», и в такой ситуации разделительные линии не превращаются в труднопреодолимые бастионы.

Именно космополитизм и создает преграды, поскольку игнорирует национальные интересы и потребности, с чем трудно не согласиться. Растущая космополитизация, тесня этническое, придавая ему черты экзотики, наталкивается на противодействие в форме националистических проявлений, воспринимаемых в

качестве инструмента защиты этнического от посягательств разного рода. Забвение национальных аспектов жизни, отведение им места и роли, не соответствующих их подлинному значению, приводят на практике к конфликтам различной степени воздействия и направленности. Предугадать вектор возможных сценариев достаточно сложно, но понимание того, что они сопряжены с последствиями деструктивного характера как для цивилизации в целом, так и для отдельно взятой этнической единицы, более чем важно.

Поэтому не случайно конфликты, с которыми сталкивается современная цивилизация, в значительной степени происходят именно в пространстве культуры и идентичности. По справедливому мнению Э. Гидденса, «главным сражением XXIв. станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью. В глобализирующемся мире, где информация и образы постоянно «путешествуют» по всему земному шару, мы регулярно вступаем в контакт с другими людьми, которые мыслят и живут не так, как мы. Космополиты приветствуют и воспринимают это культурное многообразие. Фундаменталисты считают это тревожным и опасным явлением. Идет ли речь о религии, этнической идентичности или национализме – они ищут прибежище в обновленной и «очищенной» традиции...» [2, с. 20].

Выходом из подобной ситуации нередко становится стратегия, обеспечивающая защиту и сохранение национальной традиции, и она не всегда выступает в формах, отвечающих интересам как государственным, так и национальным. В особенности, когда речь идет о локальных культурах, в которых традиция – больше, чем традиция. Общества, находящиеся на периферии индустриального развития, впитывают в себя достижения современной цивилизации различными способами. Наиболее адаптированными к национальной специфике оказываются технологические и экономические достижения, нежели культурные или связанные с национальной идентичностью, иными словами, с тем, что именуют «душой» народа, – традицию в ее предельно широком понимании. Этнокультурные изменения не поспевают за технологическими «прорывами», и «перереформатирование» происходит либо в замедленной форме, либо ему противостоят как процессу, содержащему риски для развития национальной духовности.

С тем, что национальная традиция и культура являются смыслообразующими основами бытия этноса, инструментами сохранения особенностей менталитета, системы ценностных предпочтений, трудно не согласиться. История всякого народа предстает через призму и эволюцию национальной традиции, которая является ее отражением, в том числе в формах духовной и практической деятельности, адекватных национальным устремлениям. Национальную традицию хранят и оберегают, и не только в силу ее особенности и неповторимости, а по причине того, что она есть своеобразное убежище от сложностей современной жизни. Поэтому в условиях реальной и потенциальной опасности, в том числе связанной с нарастающей глобализацией, обращение к традиции, обеспечивающей стабильность национального существования, сохранение и воспроизводство устоявшихся форм жизнеустройства и т. д., вполне объяснимо. Традиция выступает в различных ипостасях – и в качестве особого национального кода, воплощающего в себе все многообразие проявлений конкретной этничности, и как генетическая характеристика, присущая этнической группе с момента ее возникновения. Все это

делает национальную традицию востребованной индивидуальным и коллективным сознанием и самосознанием.

Глобализация и сопряженные с ней процессы унификации и стандартизации, тесня национальную традицию, а значит, создавая серьезные риски ее существованию, вызывают повышенный интерес к ней как к институту, обеспечивающему устойчивость национального бытия. Несмотря на то, что традиция меняется вместе со временем – в противном случае ей уготована судьба экзотической вещи, достойной лишь восхищения и любования, – она остается важнейшим способом сохранения национальной идентичности. Глобализация ведет к аккумуляции культуры нового, и этот синтез традиции и новации, которой был всегда присущ культурной эволюции, обретает в новых условиях особые черты.

Процессы глобализации изменяют вектор развития традиции в различных направлениях: с одной стороны, это позитивное влияние, ведущее к несомненному обогащению традиции, а с другой – к ее обеднению, потере основополагающих для нее скрепов, наполнению ее содержания псевдосмыслами, которые, вне всякого сомнения, расшатывают ее ядро. Опасность, проистекающая от неоднозначного воздействия глобализации, кроется в утрате глубинного опыта, накопленного традицией, которая ведет к деструктивным проявлениям в культуре и даже к ее кризису. Происходит сужение пространства локального мира, а значит, и традиции, являющейся ее выражением, и это не может не иметь своим следствием потери разного рода.

Роль и значение национальной традиции всегда были и остаются определяющими, и не только для традиционных обществ, ориентированных на воспроизводство из поколения в поколение устоявшихся жизненных стандартов, но и для постиндустриальных. Многие согласны с тем, что институт традиции сегодня приобретает все больший вес и притягательность вследствие разочарования в либеральных ценностях, которые отождествляются с этическими установками и предпочтениями эпохи постмодернизма, мало согласующегося с ценностью национальной традиции. Кроме того, не последнюю роль играет фактор глобальной «интервенции» в форме американизации, навязывания той или иной национальной традиции чуждых ей ценностей и культурных образцов. И в такой ситуации этноцентризм как нравственная культурная установка становится вполне понятным и приемлемым явлением, поскольку ассоциируется с защитой национального, с противодействием давлению такой глобализации, которая сродни диктату, игнорирующему значимость этнокультурного фактора в современных процессах.

Традицию, на наш взгляд, не следует понимать как застывший, а потому косный свод правил и норм. То, что «традиции не подвластны переменам – просто миф. Традиции не только со временем эволюционируют, но и подвержены резкому, внезапному изменению и трансформации. ...Они все время изобретаются заново» [2, с. 57]. Глобальный и локальный исторический, геополитический, социокультурный контексты видоизменяют ее, адаптируя к условиям быстро меняющейся среды. Тезис о крайне медленном изменении традиции оказался поколебленным современными информационными ритмами и технологическими достижениями. И все же, в сравнении с прошлым, когда система ценностей оставалась в целом неизменной на протяжении всей человеческой жизни, глобализация, сопровождаемая углублением и расширением отношений – межнациональных, межгосударственных, человеческих, придала ценности

традиции черты некоторой мимолетности, в чем-то неопределенности, что не могло не отразиться на воздействии традиции на жизнь социума.

Глобализация предстает в виде двух взаимосвязанных процессов – унификации и диверсификации, присущих современным обществам постмодернистского типа. Первая обеспечивает становление единообразия – как в процессах, так и в конкретных явлениях, расширение пространства гомогенных структур во всех сегментах общества – от экономических до семейных. В ситуации давления унифицирующих тенденций происходит ослабление механизма прилепленности к конкретному локусу, теряется былое значение традиции. Диверсификация, в свою очередь, содействует сохранению гетерогенности, тем обеспечивая разнообразие и плюрализм, в том числе и культурный. Происходит, в том числе и благодаря диверсификационным процессам, взаимное обогащение глобального локальным, и наоборот, что позволяет говорить о возможности сохранения традиции. Но следует признать и факт того, что глобализация видоизменяет формы восприятия национальными сообществами всемирных трендов, их адаптацию к конкретным реалиям. Выражением такого симбиоза становится явление глокализации – механизма, обеспечивающего возможность осуществления заимствований, которые отвечали бы интересам общностей – как глобальной, так и локальной.

Происходит развитие традиций, в контексте наших рассуждений, в двух главных направлениях – глобальном и локальном: первое адаптирует традицию к условиям быстро меняющегося мира, второе способствует сохранению и обеспечению уникальности и неповторимости национальных культур. Это представляется более чем важным в условиях растущей этнической мозаичности мира, вызванной многими причинами различного содержания и влияния – от политических до миграционных. И в такой ситуации традиция, как никакой другой инструмент, способствует сохранению этнической специфики, с одной стороны, а с другой – позволяет интегрировать ее в глобальный контекст, что предполагает принятие иной традиции, в том числе противостоящей локальной. Так создаются различные социокультурные пространства, обеспечиваются культурный синкретизм и многообразие традиций.

Стоит обратить внимание и на то, что глобализация не только способствует появлению сходных черт, она сопровождается расширением пространства различий, выступая в качестве дифференцирующего фактора, проявления которого достаточно противоречивы – от усиления культурных различий в широком смысле слова до их ослабления. И чем сильнее воздействие дифференцирующего признака как фактора, несущего угрозы для традиции, тем сильнее реакции локальной культуры и всех ее составляющих. Глобализация призвана способствовать углублению культурной вариативности мира, и именно в таком качестве она становится механизмом сохранения культурного разнообразия, что является свидетельством ее гуманистической направленности. Поэтому реализация требований национальных культур возможна исключительно на основе учета универсалистских тенденций постсовременности и гибкости этноидентифицирующих признаков, благодаря которой локальная специфика удачно сочетается с глобальной. И в такой ситуации риски давления со стороны наиболее влиятельных глобальных акторов оказываются минимизированными, а проявления этноцентризма – не столь болезненными.

Результатом проникновения современных тенденций в «тело» национальной культуры становится формирование «разнообразных современностей», и это в некотором смысле «снимает» проблему нивелирования этнического разнообразия. По мнению некоторых, в частности, израильского исследователя Ш. Эйзенштадта, особенностью модерна является не гомогенизация, а гетерогенизация – национальная и культурная, проявляющаяся, в том числе и в альтернативности развития, которая предполагает не только и не столько процессы заимствования исключительно западных ценностей в качестве социальных образцов [3]. И все же модерн иллюстрирует примеры «ускользающей» традиции. Но это обстоятельство не должно приводить, как считают многие, к недооценке значимости процессов глобализации для развития национальной культуры в целом. Как справедливо замечает Р. Дженкинс, «... люди, не принадлежащие к глобализованному миру, не ощущают принадлежности к своим локальным культурам. Принижая значение локальной культуры по сравнению с глобальной культурой, они не становятся частью последней, так как она для них остается недоступной. Такие люди не становятся ни бикультурными, ни гибридными; они становятся исключенными из всякой культуры». Современная жизнь иллюстрирует примеры того, что многие «склонны становиться частью той культуры, которая придаст их жизни больше смысла и уверенности... (Пост)модерн вдохновляет на выбор. Эта тенденция уравнивает гомогенизирующее влияние глобальной культуры» [4].

В формировании однотипной социальной среды, являющейся следствием современных процессов, видится так называемая западная глобализация, угрозы которой, с точки зрения навязывания локальной традиции западных образцов, безусловно, велики. Масштабное воздействие нового, так или иначе вызванного глобализацией, страх перед неизвестным, следствием чего становится культурный шок, придает процессам глобализации рискогенное содержание, и в первую очередь для судеб этничности в целом. Без учета специфики локального контекста глобализация «обречена» на производство рисков, которые, нарастая как «снежный ком», угрожают единству многообразия и создают условия, при которых традиция все более «ускользает».

Abazalieva M. M. The «runaway» tradition of an epoch of globalization.

Summary: The article considers the national tradition and prospects of its development in the conditions of extending globalization. In the centre of research are interrelation and interdependence of global and ethnocultural processes, evolution of national tradition, contradictory unity of tradition and innovation, of the global and the local. Special attention is paid to the analysis of globalization risks for the fate of the ethnicity in general. Dialectic principles of concreteness, system approach and objectivity form the methodological basis of the research. The author concludes that national tradition depends on the specifics of modern processes. The results obtained prove the importance of globalization risks for the national tradition.

Keywords: national tradition, identity, globalisation, glocalisation, universalisation, culture shock.

Список использованных источников и литературы

1. Штомпка П., Социология. Анализ современного общества. М.: Логос. 2005. 664 с.

2. Гидденс Э., Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир. 2004. 120 с.
3. Шубрт И., Историческая социология Ш. Эйзенштадта – завершённый труд, открытый для вдохновения // Социологические исследования. 2014. №6. С. 13-20.
4. Дженкинс Р., Глобализация и идентичность: теоретический обзор [Электронный ресурс]. URL: [http: // 2007-4_Jenkins \[1\]. pdf](http://2007-4_Jenkins [1]. pdf) – Adobe Reader (дата посещения: 26.09.2015).

Абазалиева Мадина Мухтаровна – к.полит.н., доцент, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии. Тел. 8-(8782)293565. E-mail: madina_abazalieva@mail.ru.

УДК 304.5

ВЕЩИЗМ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

КАЛАБЕКОВА С.В.

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия

Объектом исследования статьи является общество потребления, а предметом – вещиизм как его неотъемлемое свойство. Рассматриваются понятие «разовой» вещи, амбивалентное отношение и ценностная переоценка вещей в эпоху постиндустриализма. Анализируются социальная сущность мещанства и его нравственно-этические последствия, роль современных масс-медиа в формировании потребительского взгляда на мир. Автором исследуются характеристики общества потребления, социальная природа и условия возникновения идеологии вещиизма, ее воздействие на характер социальных отношений, индивидуальное и коллективное сознание. Основу методологического анализа составили онтологические и гносеологические принципы диалектики, позволившие представить рассматриваемые проблемы в их единстве. Научная новизна заключается в обосновании ряда положений, которые позволяют прийти к следующим выводам: 1) общество потребления наполняет явление вещиизма современным содержанием и придает ему новый импульс; 2) идеология вещиизма с ее установками на чрезмерное и демонстративное потребление способствует формированию человека потребляющего.

Ключевые слова: общество потребления, вещь, вещиизм, ценность, «разовое потребление», шопинг, мещанство, статус, девиация, виртуализация.

Современного человека, без всякого преувеличения, можно и следует назвать человеком потребляющим. Потребление, символизируя определенный социально-экономический и финансовый стандарт, является неотъемлемой частью его жизни, обладание конкретными вещами дает ощущение самостоятельности и независимости. Структура потребления является механизмом конструирования индивидуального мира, инструментом формирования социальных маркеров, по которым идентифицируют индивида. Общество потребления создало, с одной стороны условия для возникновения социального явления, получившего название вещиизма, а с другой – соответствующую модель поведения. Следствием многих факторов, а также пропагандируемой идеологии успешности стало появление избыточного, демонстративного потребления и соответствующей ему «культуры потребительства». Для многих современных людей процесс безудержного приобретения вещей превратился в способ существования, вещиизм заполнил все многообразие жизни, наполнил ее содержание исключительно «материальным» смыслом. Насыщение материальными благами, как им представляется, создает иллюзию счастья и свободы, придает бытию целерациональный характер, а социальным действиям – ценностно-рациональный. Подобные представления формируются не только на уровне обыденного сознания, они являются результатом осознанной и целенаправленной деятельности различных агентов влияния, стремящихся к реализации определенных интересов.

Вещиизм выступает в качестве социального явления и, будучи таковым,

формирует вполне определенный тип человека, чье сознание и поведение ориентированы на процесс приобретения материальных благ и ценностей. Пристрастие к вещам перерастает в свойство, без которого современный индивид не представляет своей жизни. Итогом такого поведения становится утверждение приоритета материального над духовными и нравственно-этическими ценностями. Вещизму сопутствует явление ониомании, когда смысл человеческого существования сводится к чрезмерному приобретению, в том числе и вещей, не являющихся необходимыми, но олицетворяющими положение, влияние, престиж. Так, вещи выступают в качестве знаков, несущих в себе содержание, отвечающее тем или иным представлениям о статусе в его широком понимании. «Волшебство покупки» (Ж. Бодрийяр) заключается в том, что вещи становятся и смыслом жизни, и видом деятельности, и досугом.

В разное время отношение к вещам было различным, а сама вещь понималась в ряде значений. Во-первых, вещи выступали как «коллективные ценности», они «тщательно выбирались... детально осваивались людьми, люди приспособлялись к каждой вещи» [1, с. 59]. Вещи становились неотъемлемой и важной частью человеческого существования, демонстрировали его внутренний мир и специфику социального окружения. Иными словами, они составляли социально-значимый атрибут жизни. Во-вторых, постепенно, с развитием промышленности, которая производила вещи в массовом масштабе, «вещь превращается в функциональный компонент обычной, рутинной деятельности... Возникает функционализация потребления, узкая полезность вещей... В итоге возникает даже разовое использование вещей...». Следствием этих процессов становится иное отношение к вещам, они не всегда являются ценностью, тем более – культурной, утилитарная функция «одерживает верх». Формируется «тенденция развеществления жизни», которая демонстрирует противоречивое отношение к вещам. С одной стороны, они очаровывают, притягивают, составляют предмет наслаждения – как от самого факта приобретения, так и от любования вещью: она сакрализуется и десакрализуется одновременно. Восторг по поводу приобретенной вещи сменяется со временем привычным и индифферентным к ней отношением. Тенденция «развеществления жизни» превращается в постиндустриалистическую эпоху в «виртуализацию вещей» [1, с. 60].

В современной рыночной системе индивид подвергается давлениям разного рода, преследующих цель принудить к совершению покупок, в том числе и высокой ценовой стоимости, поскольку они олицетворяют материальный достаток. Предлагая потребителю вполне определенные товары, от материальных до духовных, современная экономика ограничивает свободу выбора. Индивид вынужден покупать то, что ему навязывают. В отличие от финансово состоятельных групп людей, большинство не имеет возможности постоянно приобретать вещи, тем более, предметы роскоши. Так индивид попадает в зависимость от государственных, финансовых, банковских, кредитных, криминальных структур, мало заботящихся о последствиях безудержного потребления. Демонстративное потребление оказывается для многих слишком дорогим удовольствием, и не только материальным. Невозможность же приобретения желаемого, символизирующего социальный статус, приводит к возникновению девиаций различного содержания. Пространство свободы индивида оборачивается всеобъемлющей зависимостью.

Явление вещизма нашло отражение и в языке, появились соответствующие

ему термины, такие как шопинг, шопингомания, шопоголизм, под которыми понимают потребление, выходящее за рамки разумного и необходимого. Несмотря на интуитивное понимание последствий формирующейся зависимости от постоянного процесса приобретения, отказаться от обладания разнообразными, в особенности модными вещами, представляется достаточно сложной проблемой. Культ избыточного потребления крайне отрицательно влияет на все стороны жизни человека – от материальной до психологической, а на индивидов с неустойчивой психикой оказывает травмирующее воздействие.

Вещи в обществе потребления создают иллюзию полноты бытия, свободы, на деле же приводят к деформациям общественного и индивидуального сознания: теряются идеалы, утрачиваются подлинные ценности, снижается качество человеческих отношений, стремление к материальному благополучию нередко оборачивается духовным оскудением. Следствием вещизма становятся также социальное одиночество и социальная изоляция, которые, в свою очередь, развивают склонность к вещизму, в котором «заложен эмоциональный оттенок, способствующий пониманию данного явления: суффикс «-изм» придает характер обыденности, упрощенности, редуцированности называемого явления, куцего и обедненного именно своей сфокусированностью, центрированностью на вещах, не подразумевающего ничего большего, чем только эту самую «вещную» страсть» [2, с. 132]. Противостоять соблазну приобретения удастся немногим, тем более, если общество потребления запрограммировано на формирование соответствующих предпочтений, направленных на приобретение материальных ценностей. В обществе массового потребления «акцент делается на вариативности, приспособлении к особым требованиям конкретных потребителей... Производство же вещей класса люкс становится одной из лабораторий, где проходят испытание идеи, образы и фантазии, с тем, чтобы затем тиражироваться миллионными тиражами или корректировать их потоки».

Общество потребления превратило вещь, в которой наличествуют как явные, так и скрытые смыслы, не только в товар, но и в способ и цель существования, что не могло не породить «вещного» отношения к жизни, угрозы которого чрезвычайно велики, и в первую очередь – с аксиологической точки зрения: растет агрессия, в том числе из-за невозможности приобрести рекламируемое, индивиды нередко прибегают к использованию социально неодобряемых средств достижения целей, связанных с осуществлением очередной покупки, и т.д. [3, с. 816]. Неизбежным следствием утверждения «вещного» мировоззрения становятся конфликты, проистекающие по причине ориентации культурных ценностей в сторону материальных, вещественных. Следует, однако, признать, что «вещные» настроения присутствовали всегда в общественном мнении с той или иной степенью выраженности, но именно в обществе потребления они приобрели статус сущностно-онтологических, в том числе и в обыденном сознании.

Общество потребления придало новый импульс явлению социального мещанства, смысл которого заключается в желании удовлетворить постоянно растущие материальные потребности, которые, в представлениях тех, кто придерживается мещанских установок, не только призваны обеспечить комфортное существование, но и есть само счастье в его подлинном понимании [4, с. 98]. Прагматически-потребительское отношение к жизни, стремление к чрезмерному обогащению, достижение счастья исключительно через «вещное» насыщение должны были бы вызвать неприятие мещанства как образа жизни. Однако именно

оно стало для многих высшей ценностью и благом. Во всем этом велико влияние тщательно разработанных технологий навязывания товаров разного ассортимента и вкуса, средств массовой информации (в особенности рекламы), которые «рисуют» образы вождя красивой жизни, требующей очередной покупки. Итогом становится безудержный рост потребностей, желание покупать как можно больше. Один предмет покупки сменяет другой, и процесс этот напоминает бесконечное соревнование, тем более что индивиды зачастую не склонны ограничивать свои желания, и не только в ситуации обладания необходимыми ресурсными возможностями.

В обществе потребления вещи воспринимаются как «разовые», а поскольку они в определенном смысле олицетворяют наличную культуру, то вполне уместно вести речь о становлении «одноразовой» культуры, «одноразовых» отношений, во всем улавливаются мимолетность и непостоянство. Эти явления, носящие объективный характер, обнаруживаются во всем – в поступках, проявлениях чувств, происходит девальвация ценности как таковой, ей на смену приходит «разовость» как неотъемлемое свойство конsumerистского мировосприятия.

И все же налицо тенденция отбора вещей, они перестают быть для многих «разовыми», а сама «разовость» сменяется постоянством в отношении к приобретаемым вещам. Массовое потребление приобретает индивидуализированные черты, экономике потребления все сложнее оставаться массовой, и, как кажется отнюдь не немногим, эра потребительства и соответствующая ей культура постепенно уходят в прошлое. Им на смену приходит иное ценностное отношение к приобретаемым вещам, которые перестают быть «разовыми»: они все более приобретают свойства полезности, нужности, в том числе и в жизненном обиходе. Вещь приобретает персонализированные черты, в ней видят средство не только утилитарного свойства, она становится «близкой», ею дорожат, с ней не хотят расстаться. И не только по причине того, что она ассоциируется со статусом, вещь может и включает в себя элементы материального и духовного, которые оказывают на индивида определенное культурно-эстетическое воздействие, что зависит, безусловно, и от самой вещи, и от способности индивида сформировать соответствующее к ней отношение.

Эпоха постмодерна вносит свои изменения в систему «человек-вещь». Будучи окруженным самыми разнообразными вещами, которые «поставляют» современные технологии, индивид оказывается перед необходимостью выбора из множества предлагаемых возможностей. С одной стороны, рациональное и эффективное использование вещей формирует соответствующее, ценностное, к ним отношение, а значит, и к культуре потребления в целом. С другой стороны, благодаря реальному, а не виртуальному, восприятию внешней среды, индивиду удается противостоять угрозам, связанным с интериоризацией псевдоустановок на чрезмерное потребление, а также «вещному» диктату современного рынка.

Изобилие вещей поражает и привлекает, «больше» для многих ассоциируется со счастьем, и, имея множество предметов, индивид использует их зачастую нерационально. Поэтому в ситуации изобилия человек должен уметь пользоваться вещами: «для того, чтобы пользоваться множеством вещей, – писал К.Маркс, – человек должен быть... в высокой степени культурным человеком» [5, с. 16]. В системе человеческих потребностей вещам отведено определенное место, поскольку они несут в себе знаки, в том числе и ценностно-иерархического свойства. Более того, они создают пространство объективной реальности,

существуют сами по себе, со своими характерными свойствами. Индивид привязывается к вещам, они «закрывают» для него внешний мир, который является продолжением его субъективных «вещных» желаний. Вещи заменяют близких, друзей, работу, культурный досуг, нацеленность на вещи придает человеческому существованию иллюзию благополучия и богатства, в реальности же он – их раб. «Вещная» зависимость формируется и через механизмы сравнения с теми, кто преуспел во всем. Итогом таких сравнений становится появление ощущений социальной обделенности и ущербности, чувств зависти, неприязни, вражды в отношении «социально состоявшихся». Вещь превращается в фактор разочарования и экзистенциальной тревоги.

Некоторые исследователи говорят о ряде свойств товаров, порожденных экономикой общества потребления. Речь идет о «запланированном» устаревании вещи [6, с.206]. Перепроизводство товаров, необходимость постоянного приобретения более модных, удобных, технически совершенных и т. д. вещей требуют их «преждевременной» смерти, что не может не создавать состояний тревожности, вызванных растратой денежных средств, в том числе и по причине недолговечности вещей, их бессмысленности, ненужности. Похожие, однотипные вещи способствуют выстраиванию идентичной линии поведения: индивиды и мыслят, и действуют в обществе потребления одинаково, поскольку застают в готовом виде не столько вещи, сколько характер отношений, как к ним, так и к социальному окружению. В итоге формируются образы «усредненного» человека и «усредненного» потребителя (хотя этот образ может быть индивидуализированным, что зависит от системы ценностных предпочтений самого индивида).

Kalabekova S.V. Materialism in a consumer society.

Summary: *The aim of the research is the consumer society and materialism as its integral property. The concept of a "single" thing, the ambivalence and valuable reevaluation of things in post-industrialism period are considered. The author analyses features of consumer society, social nature and conditions of the ideology of materialism, its influence on social relations, individual and collective consciousness. The basis of methodological analysis are made of ontological and epistemological principles of dialectics, which allowed presenting the issues addressed in their unity.*

The results of the research allow coming to the following conclusions: 1) the consumer society fills the phenomenon of consumerism with contemporary content and gives it a new impulse; ideology of consumerism promotes the formation of a person consuming.

Key words: *consumer society, thing, materialism, value, «single consumption», shopping, narrow-mindedness, status, deviation, virtualization.*

Список использованных источников и литературы

1. Голофаст В. Б., Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1-2. С. 58-65.
2. Щелканова Н. Ю., Вещизм и антивещизм // Омский научный вестник. 2013. № 2 (116). С. 131-134.
3. Калабекова С. В., Пространство ценностей эпохи консюмеризма // Психология и Психотехника. 215. № 8. С. 814-822.
4. Боровой Е. М., Существование человека в обществе «избыточного потребления» // Ценности и смыслы. 2015. № 5 (39). С. 94-105.

5. Иванова М. В., Идеология потребительства как феномен современного либерально-демократического общества // Вестник ЧитГУ. 2008. № 4 (49). С. 16-22.
6. Корнев В. В., Феноменология потребления // Ползуновский вестник. 2005. № 3. С. 205-209.

Калабекова Светлана Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии, e-mail: svme170@mail.ru.

C O N T E N T S

HUMAN AND ENVIRONMENT SCIENCES

Kosheva A.Sh. Modern educational resources in teaching English for Specific purposes.....	3
Abazalieva M. M The «runaway» tradition of an epoch of globalization.....	7
Kalabekova S.V. Materialism in consumer society.....	14

Правила оформления статей в журнал "Известия СевКавГГТА" и соответствующие шаблоны размещены на сайте академии по адресу:
<http://ncshta.ru/nauka/izdaniya>.

ОСНОВНЫЕ РУБРИКИ ЖУРНАЛА

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИСКУССТВО

МАТЕМАТИКА, ФИЗИКА И
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

МЕДИЦИНА

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ЮБИЛЕИ